

МАСОНЫ. РАСПЛАТА



АЛИСА САХАРОВА

18+

Масоны

Алиса Сахарова

Масоны. Расплата

«Автор»

2026

Сахарова А.

Масоны. Расплата / А. Сахарова — «Автор», 2026 — (Масоны)

Мир на грани — и обратного пути нет. Даяна запустила вирус, веря, что спасает планету, но её идея стала приговором для миллиардов. Нити власти держит в руках Рафаил. За его спиной — Круг Двенадцати и Орден людей. Он не просто правит: он перестраивает реальность. На руинах распадающегося общества растёт секта «Спасение»: Йен дарит людям надежду, но преследует свои цели. Даяна всё острее чувствует связь с ним — или это отголосок близости с самим Рафаилом? Кто ведёт её, а кто использует?

© Сахарова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тень над Манхэттенom.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алиса Сахарова

Масоны. Расплата

Глава 1. Тень над Манхэттеном.

Экран телевизора мерцал в полутьме гостиной. За окном лениво падал снег — крупными хлопьями, такими тяжёлыми, что ветер едва справлялся с ними и лишь слегка подталкивал вперёд.

Семья Соколовых сидела на диване — втроем, как всегда по вечерам. Мать, Ольга, сжимала в ладонях кружку с остывшим чаем. Отец, Дмитрий, полулежал, закинув ногу на ногу, и рассеянно листал ленту социальной сети, лишь одним глазом следя за происходящим на экране. Между ними примостилась дочь — Лера, четырнадцать лет, в огромном папином худи, рукава которого свисали ниже кончиков пальцев. Она ковыряла шов на пледе и думала о чём-то своём.

Обычный вечер. Один из тысячи.

— ...и в мире спорта, — говорил диктор, — сборная по хоккею...

Ольга уже хотела переключить на что-нибудь поинтереснее, когда картинка вдруг сменилась. Появилась студия — строгая, синяя, с гербом на заднем плане. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, в очках и мундире, с усталым, серым лицом человека, который не спал третью ночь подряд. Внизу экрана бежала строка: *«Министр здравоохранения Российской Федерации Андрей Петрович Воронов».

— Граждане, — начал он, и голос его дрогнул, — я обращаюсь к вам сегодня не как министр, а как человек. Как муж. Как отец.

Ольга крепче сжала кружку. Дмитрий поднял голову от телефона. Даже Лера перестала теревить край пледа.

— Вы помните вирус, — продолжил Воронов, — который прошёл по нашей стране и по всему миру восемь месяцев назад. Он был похож на грипп — высокая температура, кашель, ломота в теле. Многие перенесли его на ногах. Половина населения планеты — по разным оценкам, от трёх до четырёх миллиардов человек — переболела в той или иной форме. Мы считали, что всё позади. Что мы справились.

Он снял очки, протёр стекла краем рукава. Пальцы у него подрагивали.

— Мы ошибались.

Пауза. Тишина в студии. Тишина в гостиной Соколовых.

— Сегодня мне поручено огласить результаты исследований, которые проводились под руководством ведущих генетиков, вирусологов и репродуктологов семнадцати стран. Результаты подтверждены независимыми лабораториями. Они однозначны. Они... — он запнулся, — они пугающие.

Дмитрий медленно опустил телефон на колени. Ольга сжала край кружки так, что костяшки пальцев побелели. Лера замерла.

— Вирус, который мы приняли за обычную модификацию гриппа, оказался носителем генетического механизма, который внедряется в клетки организма-хозяина и необратимо изменяет работу репродуктивной системы. Проще говоря — подавляет фертильность. Не у всех, но у значительной части переболевших. По нашим данным — у шестидесяти семи процентов мужчин и шестидесяти четырёх процентов женщин, перенёсших вирус в средней и тяжёлой форме.

Министр замолчал. Камера неспешно приблизилась, выхватывая его лицо крупным планом — без пощады, без смягчения. Морщины легли глубокими бороздами, под глазами залегли тяжёлые тени, а на виске блестела одинокая капля пота.

— Это означает, что миллионы семей... миллионы, — повторил он чуть громче, — не смогут иметь детей. И мы не знаем, обратим ли этот процесс. На сегодняшний день ни один из известных нам методов лечения не показал эффективности.

Лера повернула голову к родителям. Дмитрий и Ольга смотрели друг на друга. Несколько секунд — длинных, тягучих, как жвачка, растянутая между двумя пальцами.

Ольгины глаза были огромными. Она открыла рот, но не сказала ни слова. Просто смотрела на мужа — а он смотрел на неё, и между ними прошла мысль, не высказанная вслух, но абсолютно ясная для обоих: «Мы ведь тоже болели. Оба. В апреле. Температура, кашель, две недели дома».

Ещё полгода назад они начали пытаться завести второго ребёнка. Каждый тест — надежда. Каждый отрицательный результат — тихий удар. Врачи говорили: «Всё в порядке, просто пока не складывается». А теперь это «пока» оборвалось.

Дмитрий сжал кулаки — костяшки побелели. Ольга хотела что-то сказать, но слова застряли в горле.

Лера не заметила их немного диалога. Смотрела на экран, где министр снова заговорил — сухо, механически, будто прятал за словами растерянность. Для родителей его слова уже не имели значения. В звенящем напряжении, возникшем между ними, слышалось только одно: то, чего они так ждали, теперь, возможно, никогда не случится.

Дмитрий первым отвёл взгляд. Встал. Подошёл к окну. Посмотрел за стекло. Снег всё падал, ленивый и равнодушный.

— Пап? — тихо позвала Лера.

Он не обернулся.

— Пап, это... это правда?

— Не знаю, — ответил он, не оборачиваясь. — Может, преувеличивают.

Но голос его звучал так, будто он и сам не верил собственным словам.

Остановка на улице Урицкого — одна из тех покосившихся, облупленных конструкций, которые не ремонтировали, кажется, с прошлого века. Стекло треснуло, скамейка просела, а расписание автобусов выцвело до полной нечитаемости — словно его писали в ту эпоху, когда автобусы ещё ходили по чёткому расписанию.

На скамейке сидел мужчина лет тридцати пяти — в потёртой куртке, с рюкзаком на коленях. Лицо у него было хмурое, задумчивое; застывшая складка между бровей выдавала напряжение. Он ждал свой автобус. Просто ждал конца тяжёлого дня.

Он повернул голову — случайно, без причины, просто от скуки ожидания — и увидел её. Брошюру.

Она была приклеена к стеклу остановки прозрачным скотчем, немного криво, правый край загигался. Лист глянцевого бумаги, сложенный втрое. На обложке — белый купол с золотым крестом на фоне закатного неба. Лучи света расходились от креста веером, как от прожектора, и падали на силуэты людей внизу — крошечных, тёмных, со склонёнными головами. Сверху, крупными буквами, с тиснением под золото, набрано одно слово:

«СПАСЕНИЕ».

Ниже — мелким шрифтом, курсивом: «Когда мир рушится, Он не падает вместе с ним». И ещё ниже — адрес: «Храм Воскресения, улица Большая, 98. Приходи — тебя ждут».

Бумага была свежая — типографская, не домашняя распечатка. Глянец блестел даже в тусклом свете фонаря. Картинка на обложке выглядела так, словно её рисовали профессионалы: мягкие тени, градиентный переход от золотого к пурпурному, и лица людей внизу —

не безликие точки, а выписанные фигуры, каждая со своим выражением. Кто-то плакал, кто-то молился, кто-то просто стоял, опустив руки. Один улыбался — и от этой улыбки по спине прошёл холодок, потому что она была не той, что должна быть на лице человека, стоящего перед рушащимся миром.

Мужчина встал. Подошёл к стеклу. Провёл пальцем по брошюре — от верхнего края до нижнего. Скотч поддался с тихим, противным звуком. Брошюра осталась у него в руке.

Он раскрыл её. Внутри — две колонки текста, набранного мелким шрифтом. Заголовок: «Почему это происходит и что делать». Под заголовком — цитата, выделенная жирным: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали». Ниже — фотографии. Спокойные, тёплые: люди в белых одеждах, улыбающиеся, держащие друг друга за руки. Мужчина и женщина, на одном из снимков, стояли рядом с младенцем на руках, и подпись под фото гласила: «Семья Костиных, приход Храма Воскресения. После года в общине у них родился сын».

Мужчина смотрел на брошюру не отрываясь. Складка между бровей ушла. Пальцы чуть подрагивали — то ли от холода, то ли от чего-то другого.

Подошёл автобус. Двери с шипением открылись. Водитель подождал несколько секунд, посигналил. Мужчина даже не повернул голову.

Двери закрылись. Автобус уехал, оставив за собой облако выхлопных газов и тишину.

Мужчина стоял у остановки, держа брошюру обеими руками, и читал. Потом медленно сложил её, убрал во внутренний карман куртки — аккуратно, как убирают что-то ценное — и пошёл. Не в ту сторону, куда ехал автобус. А в другую. Туда, где за поворотом, если верить брошюре, начиналась новая жизнь.

Нью-Йорк. Верхний Манхэттен. Здание, которого нет ни на одной карте. Ни в одном реестре. Оно числится как вспомогательный корпус ООН, но даже внутри самой организации лишь четверо знают, что эти двери вообще открываются.

Восемь человек сидели у длинного стола из тёмного дерева. Никаких флагов, никаких табличек с именами. Никаких переводчиков — у каждого в ухе был маленький наушник, через который нейросеть переводила в реальном времени, почти без задержки. Технология не афишировалась — как и многое другое, что происходило в этом здании.

Президент Соединённых Штатов, Томас Смит, сидел во главе стола. Лицо серое, под глазами мешки величиной со сливу. Он не улыбался. Он вообще не улыбался последние три недели. В его взгляде читалась тяжесть, будто на его плечах лежала сама планета.

Справа от него — президент России. Слева — председатель Китайской Народной Республики. Дальше — главы Индии, Бразилии, Индонезии, Нигерии. Семь стран, принявших на себя основной удар. Семь экономик, которые трещали по швам. Семь обществ, балансировавших на грани.

Смит заговорил первым. Его голос прозвучал ровно, без пафоса — точно он давно отрепетировал эту речь и теперь просто выполнял неизбежную формальность.

— Джентльмены. Дамы. Не буду тратить время на предисловия. Все вы видели данные. Все вы знаете цифры: более шестидесяти процентов мужчин и женщин потеряли фертильность. Это не у кого-то одного — это у всех.

Он провёл взглядом по каждому, затем продолжил:

— Но для нас ситуация хуже. Плотность мегаполисов ускоряет распространение вируса, а значит, и масштаб потерь растёт быстрее. Индия — полтора миллиарда. Китай — почти полтора. Индонезия — двести восемьдесят миллионов. Нигерия — двести двадцать. Бразилия — двести сорок. Россия — сто сорок пять. У США — триста тридцать миллионов. Это не просто статистика. Это катастрофа, которая разворачивается прямо сейчас, пока мы тут сидим.

Президент Индии — невысокая женщина в синем сари, с короткой седой стрижкой — перебила его. Голос тихий, но твёрдый, точно выточенный из камня.

— В стране уже не сдержат беспорядки. Дели, Мумбаи, Калькутта — три дня подряд массовые акции. Люди жгут машины. Двое погибли вчера — полиция открыла огонь. Треть населения понимает, что детей у них не будет никогда, и они выходят на улицы не с лозунгами, а с криками. Женщины выносят фотографии младенцев — живых, здоровых — и держат их над головой, будто доказывая что-то. Или прося. Я не знаю, чего они хотят. Может, чуда.

Она замолчала. Никто не прервал тишину. В комнате стало слышно, как тихо гудит вентиляция — единственный звук, не дававший тишине стать оглушающей.

Президент Бразилии — грузный мужчина с усами и усталыми глазами — подался вперёд. Его пальцы нервно постукивали по столешнице.

— У нас — забастовки. Сельское хозяйство встало. Фермеры, которые пережили вирус, отказываются выходить в поле. Они говорят: «Зачем работать, если некому наследовать? Зачем кормить страну, у которой нет будущего?» Четверть плантаций кофе простаивает. Сахарный тростник гниёт. Если через месяц всё не вернется в прежнее русло — начнётся голод. А за голодом придёт всё остальное...

Председатель КНР — худой, жилистый, с острыми скулами и лицом, будто выточенным из камня, говорил мало и точно. Его слова падали в тишину, как камни в тёмную воду.

— У нас проблема иного порядка. Люди не выходят на улицы — пока. Но рождаемость, которая и так падала последние годы, теперь обрушилась. Цифры, которые мы видим, — это не кризис рождаемости. Это остановка. Полная. Через поколение — через двадцать пять лет — нас станет на шестьсот миллионов меньше. Это не снижение. Это исчезновение народа.

Президент Нигерии — единственный, кто сидел, откинувшись на спинку стула, будто на собственной веранде, — наконец подался вперёд. Голос его был глубокий, неторопливый, словно он говорил не на экстренном совещании, а у костра, делясь старой историей.

— Мои коллеги говорят о беспорядках, забастовках, статистике. Я скажу иначе. Люди в моей стране верят. Они верят в бога, в духов, в предков. И сейчас, когда выяснилось, что дети не рождаются, они ищут причину. И они её находят — или думают, что находят. У нас уже появились новые культы. Двенадцать за последний месяц. Двенадцать... Они говорят, что это наказание. Они говорят, что нужно молиться. Что нужно приносить жертвы. И люди идут к ним — сотнями, тысячами. Потому что, когда наука говорит: «Мы не знаем, как это исправить», человек идёт туда, где ему скажут: «Мы знаем».

Смит кивнул. Медленно. В этом кивке не было согласия — скорее, признание того, что худшие прогнозы сбываются.

— Вот об этом я и хотел поговорить. Не о том, что уже случилось, — это мы не можем отменить. А о том, что делать дальше. Мы не справимся поодиночке. Ни один из нас. Соединённые Штаты не справятся. Россия не справится. Китайская народная республика не справится. Нам нужен совместный план — глобальный, скоординированный. Не план реагирования, а план выживания. Как мы будем жить в мире, где каждое новое поколение — последнее? Как удержим экономику, когда люди теряют стимул к труду? Как не дадим обществу скатиться в хаос, когда секты подбирают тех, кого мы теряем?

Президент России Владислав Бунин — суровый мужчина с короткой стрижкой и тяжёлым взглядом — до этого молчавший, откинулся на спинку стула и заговорил впервые. Его голос звучал твёрдо и чётко, точно высеченный из льда: в нём была холодная уверенность человека, который знает больше других и не собирается это скрывать. В каждом слове сквозила привычная властность — будто он заранее считал все варианты, отверг чужие сомнения и теперь диктовал единственно возможную линию действий.

— План — это хорошо. Но план чего? Мы должны признать главное: мы не знаем, как обратить процесс. Может, это невозможно. Может, вирус был спроектирован именно так —

чтобы быть необратимым. И если это так, то нам нужно не «жить дальше», а понять, как жить иначе. Совсем иначе. С меньшим числом людей. С другими экономическими моделями. С другой социальной структурой.

Он обвёл взглядом других глав. Все смотрели на него. В воздухе повисло напряжение — такое плотное, что, казалось, его можно коснуться пальцами.

— Кто-то спроектировал этот вирус. Это не естественная мутация — генетический механизм слишком точный, слишком прицельный. Кто-то сделал это намеренно. И пока мы не выясним, кто, — мы будем лечить симптомы, а не болезнь.

Тишина повисла над столом. Каждому из присутствующих было понятно, что российский президент прав. Каждый думал об этом. Никто не решался сказать вслух.

Смит медленно положил ладони на стол. Его пальцы слегка дрогнули, но он тут же подавил эту дрожь.

— Тогда начнём с этого. Две задачи. Первая — план выживания: экономика, общество, демография. Вторая — выяснить, кто это сделал и зачем. Обе — совместно. Без исключений. Без бюрократии. Без утечек.

Он посмотрел на каждого — по очереди, задерживаясь ровно на секунду на глазах собеседника. В этом взгляде не было ни теплоты, ни угрозы — только холодная, расчётливая оценка, будто он взвешивал степень их готовности.

— Или мы договоримся сейчас. Или не договоримся никогда.

Не сразу, не быстро, но один за другим — они кивнули. В этих кивках не было энтузиазма — только горькое признание необходимости.

В комнате не было окон. Было два выхода: один в коридор, ведущий к подземному гаражу, второй — к лифту, который открывался только с отпечатка пальца. Снаружи здание выглядело как обычная контора: серый фасад, тонированные стёкла, вывеска, гласящая что-то про консалтинговые услуги. Охрана — два человека в штатском, с одинаково каменными лицами.

Все разъехались. Смит остался.

Он накинул плащ с капюшоном и вышел на улицу. Был уже рассвет. Шёл дождь — мелкий, ровный, словно небо решило плакать, но без надрыва. На улицах тихо и светло. Мокрый асфальт блестел, отражая тусклые огни фонарей, точно сам город пытался притвориться, что всё в порядке.

Его ждали.

Человек в тёмной накидке с капюшоном стоял у стены — неподвижно, как тень, отброшенная зданием, которое ещё не построили. Лицо скрыто. Руки сложены на груди.

— Всё получилось как надо? — спросил он.

— Президент России, — сквозь зубы ответил Смит, — не стоило его звать.

— Подозревает?

— Высказал предположение, что вирус искусственный. Что спроектирован.

Мужчина в капюшоне помолчал. Дождь стучал по ткани его одежды — и не впитывался, будто отталкивался от неё.

— Это логично, — произнёс он наконец. — Кто-то должен был оказаться достаточно прозорлив.

Человек в капюшоне слегка повернул голову. Светлый волнистый локон выпал из-под капюшона — и Смит заметил это, но тут же благоговейно склонился ниже, не смея смотреть.

— Найди крайнего. Страну, что ответит. Террориста, с которым у остальных конфликт.

— Я сделаю всё, что смогу, — Смит склонил голову.

— Мир доволен тобой, — мягко произнёс тот и коснулся его плеча. — Сделай, что должен.

Мужчина скрылся за поворотом — и растаял в дождевой пелене. Ливень стирал с улиц любые следы.

Смит стоял неподвижно. Холодные капли пробирались под воротник, но в груди разгорался жар. Страх сжимал горло — и одновременно пьянил.

Истинное правительство доверило

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.